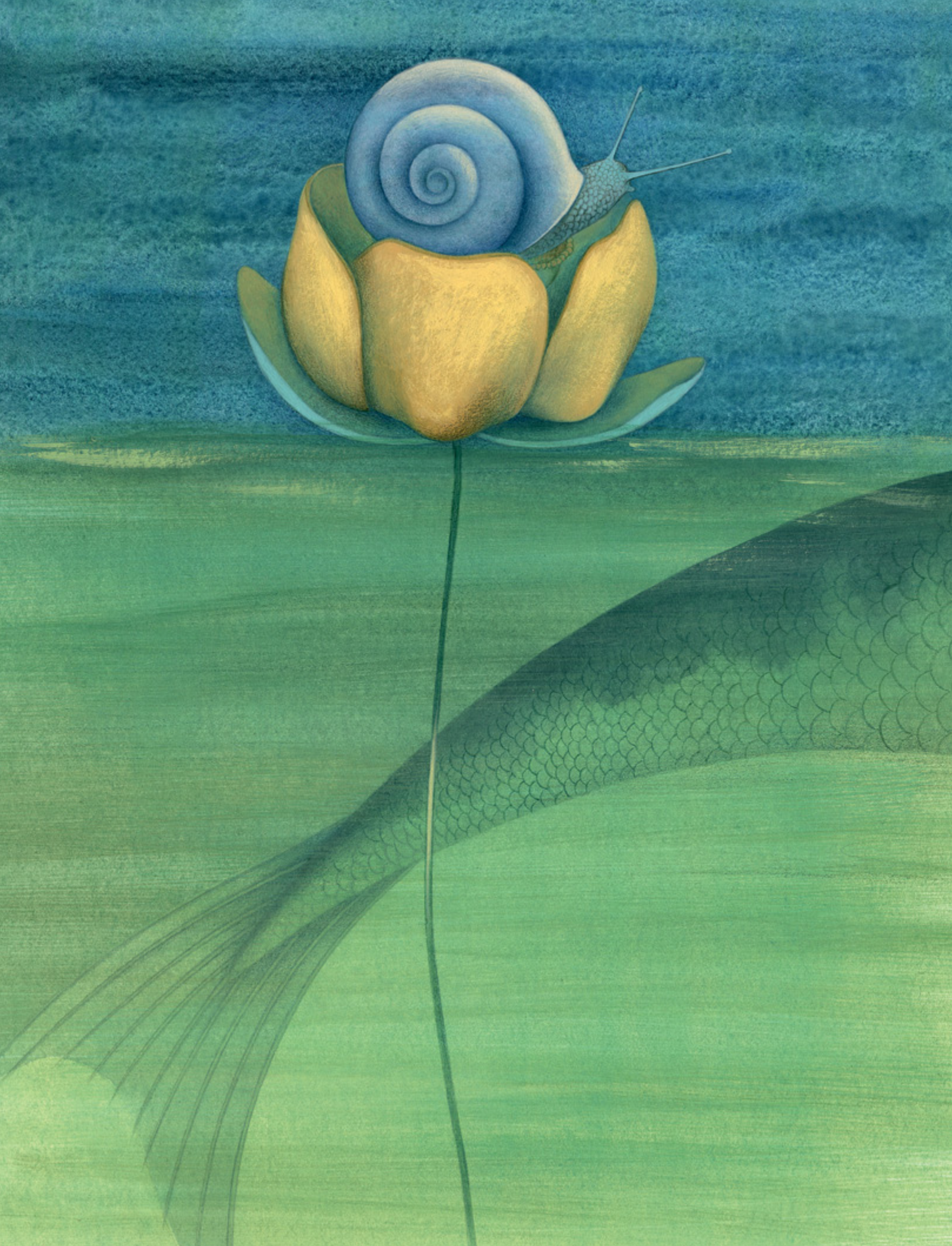

НИГМА
МОСКВА
2017

А. Н. Ткаченко

*Художник
Юлия Седова*

Русалка

Во льду дед Семён бьёт прорубь — рыбку ловить. Прорубь не простая — налажена с умом. Дед обчертил пешнёй¹ круг на льду, проколу-пал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешнёй.

Хлынула спёртая, студёная вода, до краёв наполнила прорубь. С водой вошли рыбки — снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу — не пускает кольцо.

Посмеялся своей хитрости дед Семён, приладил сбоку к проруби канавку — сачок заводить и пошёл домой, ждать ночи — когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семён лошадь и овцу — всё своё хозяйство — и по-лез на печь.

А жил он вдвоём со старым котом на краю села в мазанке².

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

— Что ты, неугомонный, — спрашивал дед, — или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

¹ Пешня́ — лом с деревянной рукояткой, которым долбят лёд.

² Ма́занка — небольшой дом, хата из глины или обмазанного глиной кирпича, дерева, камыша и т.п.

«Пустяки», — думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошёл на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком¹ постукивать по льду.

— Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завёл сачок и вытянул его полный серебряной рыбёшки.

«Что за диво, — думает дед, — никогда столько рыбы не лавливал. Да смирная какая, не плещется».

Завёл и ещё столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева² не проест».

Посветил фонарём в прорубь — и видит, на дне около кольца лежит тёмная рыбина.

Распоясался дед Семён, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьёт — смирная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и — домой...

— Ну, — говорит, — котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зелёный плёс³, руки сложила, спит русалка, личико — спокойное, детское...

Дед — к двери, ведро уронил, а дверь забухла — не отворяется.

Русалка спит...

¹ Черенóк — рукоятка ручного орудия, в данном случае сачка.

² Ёдево — еда, съестное.

³ Плёс (*устар.*) — хвост рыбы.

Обошёлся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал — не кусается, и грудь у неё дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, — горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнёс туда русалку, а чтобы тараканы не кусали — прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спится.

Кот ходит, на решето глядит...

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из снетков варить, горшок валится, чаду напустил...

Вдруг чихнуло...

— Кот, это ты? — спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза — светятся. Пошевелила губами:

— Что это ты, дед, так чадишь, не люблю я чаду.

— А я сейчас, — заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

— Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные.

Русалка говорит:

— Дед Семён, я есть хочу.

— А я сейчас, вот только, — дед помялся, — хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.

— Я леденцов хочу.

— Сейчас я, сейчас... — Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу — куда мне овца? Куплю леденцов...»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов — да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит:

— Сплети, дед, мочальный¹ кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решетку.

— Деда, а деда, что это? — кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

— Ах ты, озорник! — Никогда так не сердился дед Семён; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: — Не балуй, не балуй...

Басом ревел Федька:

— Никогда к тебе не приду...

— И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда — старый рыжий кот...

— Ох, недоброе кот задумал, — говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или ещё выдумала:

— Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать — продал дед лошадь, принёс из города сундучок камушков и янтарную нитку.

— Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зелёный плёс с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

¹ Мочало — лубяные волокна коры липы, из которых делают верёвки, мочалки и т.п.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на неё просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

— Дед, дед! — закричала русалка. — Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывёртывается. Дед на печь, оттащил кота.

— Удуши кота, удуши кота, — плачет русалка.

— Кота-то удушить? — говорит дед. — Старого!..

— Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечёвку, помазал салом, взял кота, пошёл в хлев.

Бечёвку через балку перекинул, надел на кота петлю.

— Прощай, старичок...

Кот молчал, зажмурил глаза.

Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лёд, два раза прорывала плотину, насили успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло берёзами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семён окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер вошёл в низкую избу.

Молча соскочила с печи русалка, поднялась на руках.

Глядит в окно, не сморгнёт, высоко дышит грудь.

— Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу.

— Как же мы пойдём, засмеют они нас.

— Я хочу, возьми меня. — Натёрла глаза и заплакала.

Дед смекнул.

Положил русалку за пазуху, пошёл на выгон, где девушки хоровод водили.

— Посмотрите-ка, — закричали девушки, — старый приплёлся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло — кричат, смеются, за бороду тянут. От песен, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, — впилась...

Замотал дед головой — да к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под рёбра, раздвинула, вцепилась зубами ещё раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот.

Да мало что наплести можно про старого деда!

Десятая неделя после Пасхи — купальские дни¹.

Солнце самый пуп земли печёт, и зацветает дивная Полынь-трава. В озёра, на самое зелёное дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам², и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озёрных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избёнке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нём дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлюпают по воде словно вальками³, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься — под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

— Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты — ни ногой, песни не пой над озёрной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...

¹ Купальские дни — праздник Ивана Купала, раньше приурочивался к летнему солнцестоянию.

² Мавка (навка) — злой дух, русалка.

³ Валёк — здесь: утолщённая часть весла около рукоятки.

— Слушаю, братец! — говорит Марья.

Ушёл Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком¹ сидеть; облокотилась она и запела:

*Где ты, месяц золотой?
Ходит месяц над водой,
В глыбко² озеро взглянул,
В тёмных водах утонул...*

Вдруг стукнуло в ставню.

— Кто тут?

— Выдь к нам, выдь к нам, — говорят за ставней тонкие голоса. Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты — хороводы русалочки.

Русалки-мавки взяли за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! — обступили её мавки, венок надели...

— К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. — Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

— Здравствуй, Марья, — захрипел водяной, — давно я тебя поджидал... — И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришёл Иван. Туда, сюда, — нет сестрицы. И видит — на берегу башмаки её лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Настала купальская неделя.

«Уйду, — думает Иван, — к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

¹ Станóк — ткацкий стан.

² Глы́бкий — глубокий.

Нашёл за озером липку, ободрал, сплёл лапти и пошёл к чужим людям.

Шёл, шёл, видит — стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул», — подумал Иван и пошёл в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

— Наваждение, — испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить.

И говорит она человеческим голосом:

— Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

— Сестрица, ты ли?

— Я, братец; царь водяной меня в жёны взял, теперь я дряница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

— А нельзя тебе от водяного уйти?

— Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землёй, поднимаются, и вверх в чёрную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы», — подумал и зацепился за серую тучу — зыбкое место.

Пошёл по туче — ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

— Зачем сюда пришёл? — заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

— Я за Полынь-траву, — поклонился Иван.

— Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силён мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

— Счастье твоё, — рычит мужичок, — быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву, — и бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревёт, как загрохочет и язык красный из тучи то метнёт, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит — сидит на земле страшный дед, водит усами...

— Пусти, — кричит Иван, — знаю, кто ты, не хочешь ли этого? — и ткнул водяному в лицо Полынь-траву.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьём быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за тёмный лес — на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья.

Н а ПНЕ СИДИТ ведьмак¹, звёзды считает когтем — раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.
...Пять, шесть, семь... И гаснут звёзды, а вместо них на небе оказываются чёрные дырки. Их-то и нужно ведьмаку — через дырки с неба дождик льётся.

А дождик с неба — хмара² и темень на земле.

Рад тогда ведьмак: идёт на деревню людям вредить.

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села.

Вдруг заметил его пьяненький портной: «Ах ты, говорит, гад!» — и побежал за кусты к месяцу — жаловаться. Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком — не даёт ему звёзд тушить. Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц — тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил — месяц норовит зацепить и клыки оскалил.

Притихло в лесу. А месяц нацелился — да как хватит ведьмака по зубам...

Щёлкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил.

¹ Ве́дьма́к — колдун, оборотень.

² Хма́ра — мгла, темнота.

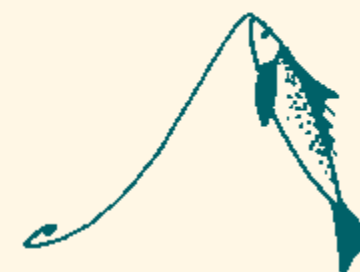
Взвился месяц ущербный, свету невзвидел, укрылся за облако.
А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.
У ведьмака в животе прыгает отгрызанный месяц, жжёт; вер-
тится юлой ведьмак, и так и сяк — нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду... Расплескалась се-
ребряная вода. Лёг ведьмак на прохладном дне. Корчится. Под-
плывают русалки стайкой, как пескари, маленькие... Уставились,
шарахнулись, подплыли опять и говорят:

— Выплюнь, выплюнь месяц-то.

Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох.
А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину.
На дне речки стало светло, ясно и весело.
А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок, пригладился
и поплыл между звёзд по синему небу.

Не впервые ясному бока выращивать.

ежит на возу мужик, трубочку посасыва-
ет — продаёт чёрного козла. А народу на яр-
марке — труба нетолчёная¹.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на
нём новый, а полы мокрёшеньки.

— Ишь угораздило тебя на сухом месте измочиться, — сказал
мужик.

Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает:

— А ты пустяки не говори; продажный козёл-то?

— Не для себя же я козла привёл; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увёл козла, а мужик при-
нялся в кисет деньги совать и видит — вместо трёшницы² лягу-
шиная шкурка.

— Держите его, православные! — закричал мужик. — Водяной
по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать; мужика
в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили;
и пошёл он в сумерки домой, а дорога — лесом. Вдруг видит му-
жик: идёт его козёл, крутые рога опустил, топают ножками, а на
нём верхом чучело сидит зелёное, рачьи усы растопыркою, глаза
плошками.

¹ Труба нетолчёная — теснота, большое скопление народа.

² Трёшница — трёхрублёвая купюра.

Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе — прыг в воду, очутились на зелёном дне.

— Ну, — говорит ему чучело, — народ мутить, меня ловить будешь али нет?

— Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

— А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел?

— Мы народ рабочий, — отвечает мужик, — поработаю на тебя.

— А что делать умеешь?

— Неучёные мы, батюшка водяной, только баклуши и бьём¹.

— Хорошо, — говорит водяной, — бей баклуши... — и ушёл.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу.

Пришёл водяной и удивился:

— Ты что это вытворяешь?

— Баклуши бью, как вы приказали.

— А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

— Ложки из них делать.

— А на что мне ложки?

— Горячее хлебать.

— Ах ты, дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись.

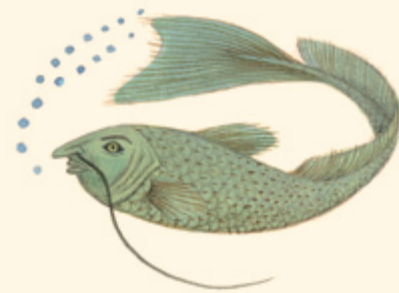

¹ Бить баклуши (разг.) — бездельничать; первоначально: делать несложное дело — разбивать полено на баклуши для выделки мелких изделий. Баклуша — обрубок древесины для выделки ложек и другой утвари.

Щёлкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Потом усы раздвинул, рот раскрыл и стал ерша заглатывать. А мужик, хоть и в ерша перевернулся, и тут угодить не мог; упёрся водяному поперёк горла щетиной. Закашлял водяной, задавился, вытащил ерша и выкинул его из воды на берег. Отдышался мужик, встал на ноги, в своём виде, почесался и сказал:

— Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то.

Над глиняным яром¹ — избушка, в избушке старушка живёт и две внучки: старшую зовут Моря, младшую — Дуничка. Один раз — ночью — лежит Моря на печи, — не спит-ся. Свесила голову и видит.

Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и — в дверь — и была такова.

Закричала Моря:

— Бабынька, бабынька, Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба — кикимора, что крадёт детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка — искать-поискать, да, зная, кикимора под яр ушла в омут зелёный. Вот слёз-то что было!

Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря:

— Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

— Куда тебе, ягодка, сама только пропадёшь.

— Отыщу да отыщу, — твердит Моря.

И раз, когда звёзды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идёт, попрыгивает с ноги на ногу и видит — стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зелёных глаза...

¹ Яр — крутой обрывистый берег реки, озера.

— Помоги мне, девочка, — кричит дуб, — никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря поясок, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завозилось, и встал перед Морей старый леший.

— Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь.

— Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, её злая кикимора унесла.

Начал леший чесать затылок...

А как начесался — придумал.

Вскинул Моря на плечи и побежал под яр, вперёд пятками.

— Садись за куст, жди, — сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зелёный омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке её по пяти большеголовых младенцев — игошей¹ — и ещё один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, — не давятся.

— Теперь твоя очередь, — густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребёночка.

— Дуничка! — едва не закричала Моря.

Смотрит на звёзды, улыбается Дуничка, сосёт лохматую кикиморину грудь.

А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил...

Хотела кинуться кикимора в воду — никак не может.

Игоши рассыпались по траве, режут поросычьими голосами, дрыгаются. Вот пакость!

¹ Игоша — ребёнок кикиморы или уродец без рук и ног.

Моря схватила Дуничку — и давай бог ноги¹.

— Пусти — я девчонку догоню, — взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка её ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы...

А сзади — погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень² кверху подсигивает³...

— Бабушка! — закричала Моря.

Вот-вот схватит её кикимора.

И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил её утренний ветер, унёс за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Морю, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

¹ Давай бог ноги — быстро бежать, пуститься наутёк.

² Сажень — старая русская мера длины, равная трём аршинам, 2,134 метра.

³ Подсигивать — подпрыгивать.

В лесу по талому снегу идёт мужик, а за мужиком крадётся дикий кур.

«Ну, — думает кур, — ухвачу я его».

Мужик спотыкается, за пазухой булькает склянка с вином.

— Теперь, — говорит мужик, — самое время выпить, верно?

— Верно! — отвечает ему кур за орешником...

— Кто это ещё разговаривает? — спросил мужик и остановился.

— Я.

— Кто я?

— Кур.

— Дикий?

— Дикий...

— К чему же ты в лесу?

Кур опешил:

— Ну, это моё дело, почему я в лесу, а ты чего шляешься, меня беспокоишь?

— Я сам по себе, иду дорогой...

— А погляди-ка под ноги.

Глянул мужик: вместо дороги — ничего нет, а из ничего нет торчит хвост петушиный и лапа — кур глаза отвёл¹.

— Так, — сказал мужик, — значит, приходится мне пропасть.

¹ Отвести глаза — отвлечь внимание, ввести в заблуждение, обмануть.

Сел и начал разуваться, снял полушубок.

Кур подскочил, кричит:

— Как же я тебя, дурака, загублю? Очень ты покорный.

— Покорный, — засмеялся мужик, — страсть, что хочешь делай.

Кур убежал, пошептался с кем-то, прибегает и говорит:

— Давай разговляться, подставляй шапку, — повернулся к мужику и снёс в шапку яйцо.

— Отлично, — сказал мужик, — давно бы так.

Стали яйцо делить. Мужик говорит:

— Ты бери нутро, — голодно, чай, тебе в лесу-то, а я шелуху пожую.

Ухватил кур яйцо и разом сглотнул.

— Теперь, — говорит кур, — давай вино пить.

— Вино у меня на доньшке, пей один.

Кур выпил вино, а мужик снеговой водицы хлебнул.

Охмелел кур, песню завёл — орёт без толку...

Сигать стал с ноги на ногу, шум поднял по лесу, трескотню.

— Пляши и ты, мужик...

Завертел его кур, поддаёт крылом, под крылом сосной пахнет.

И очутился мужик у себя в хлеву на тёплом назёме¹...

Пришла баба от заутрени...

— Это ты так, мужик, за вином ходил...

— Ни-ни, — говорит мужик, — маковой росинки во рту не было, кур дикий меня путал.

— Хорошо, — говорит баба и пошла за кочергой. Принесла кочергу да вдруг и спрашивает: — Ну-ка повернись, что это под тобой?

Посмотрела, а под мужиком лежат червонцы.

¹ Назём — навоз.

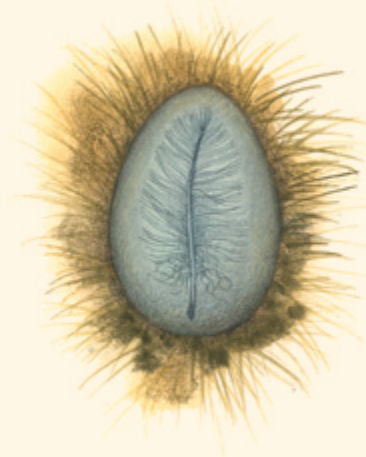
— Откуда это у тебя?

Стал мужик думать.

— Вот это что, — говорит, — кур это меня шелухой кормил...

Дай Бог ему здоровья...

И поклонились мужик да баба лесу и сказали дикому куру — спасибо.

а ТОКУ, где рожь молотят, — ворох; ворох покрыт пологом, на пологу — роса. А под пологом девки спят...

Пахнет мышами, и на небе стоит месяц.

По току шагает длинный Полевик¹, весь соломенный, ноги тонкие...

— Ну, ну, — ворчит Полевик, — рожь не домолотили, а спят.

Подошёл к вороху, потянул за полог:

— Эй, вы, разоспались, заря скоро!

Девки из-под полога высовывают головы, шепчут:

— Кто это, девоньки, или приснилось? Никак светает скоро.

Дрожат с холоду, просыпаются.

На хуторе за прудом кричат петухи.

К молотилке шагает Полевик; под молотилкой, накрывшись полушубками, спят парни.

Постаскал с них Полевик полушубки:

— Вставайте, рожь не домолочена.

Парни глаза протирают...

— Свежо, ребята, ай вставать пора...

¹ Полевик (или житник) — полевой дух. Стержёт хлебные поля.

На току ворошится народ, натягивают полушубки да каца-
вейки¹, ищут: кто вилы, кто грабли...

Холодеет месяц.

А Полевик уж в поле шагает.

— Голо, голо, — ворчит Полевик, — скучно.

Ляжет он с тоски в канаву, придёт зима, занесёт его снегом.

¹ Кацавэйка — утеплённая просторная кофта, подбитая или отороченная мехом.

Иван-царевич и Алая-Алица

кучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошёл на охоту. А идти ему старым лесом.

Настала зимняя ночь.

В лесу то светло, то темно; по спелому снегу мороз потрескивает.

Откуда ни возьмись выскочил заяц; наложил Иван-царевич стрелу, а заяц обернулся клубком и покатился. Иван-царевич за ним следом побежал.

Летит клубок, хрустит снежок, и расступились сосны, открылась поляна, на поляне стоит белый терем, на двенадцати башнях — двенадцать голов медвежьих... Сверху месяц горит, переливаются стрельчатые окна.

Клубок докатился, лунь-птицей обернулся: сел на воротах. Испугался Иван-царевич, — вещь птицу застрелить хотел, — снял шапку.

— Прости глупость мою, лунь-птица, невдомёк мне, когда ты зайцем бежал.

— Меня Алая-Алица, ясная красавица, жигова¹ пленница, за тобой послала, — отвечает ему лунь-птица, — давно стережёт её старый жиж.

— Войди, Иван-царевич, — жалобно прозвенел из терема голос.

По ледяному мосту пробежал, распахнул ворота Иван-царевич — оскалились медвежьи головы. Вышиб ногой дверь

¹ Жиж — древний славянский бог подземного огня.

в светлицу¹: видит — на нетопленной печурке сидит жиж, голова у него медная, глазами ворочает.

— Ты зачем объявился? Или две головы на плечах? — зарычал жиж.

Прицелился Иван-царевич и вогнал золотую стрелу между глаз старому жижу.

Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и пояло² терем. Иван-царевич побежал в светлицу. У окна, серебряными цепями прикована, сидит Алая-Алица, плачет... Разрубил цепи, взял Иван-царевич на руки царевну и выскочил с ней в окошко.

Рухнул зимний терем и облаком поднялся к синему небу. Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья.

Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие ещё от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришёл журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык³ аукался.

Шум, гам, пение птичьё...

И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной.

¹ Светлицá (светёлка) — светлая жилая комната.

² По́ять — охватить или покрыть огнём.

³ По́зык — громкий звук или эхо.

Соломенный жених

Внизу овина¹, где зажигают теплины², в углу тёмного подлаза³ лежит, засунув морду в земляную нору, чёрный кот.

Не кот это, а овинник⁴.

Лежит, хвостом не вильнёт — пригрелся. А на воле — студёно.

Прибежали в овин девушки, ногами потопали.

— Идёмте в подлаз греться.

Полегли в подлазе, где дымом пахнет, близко друг к дружке, и завели такие разговоры, что — стар овинник, а чихнул и землёй себе глаза запорошил.

— Что это, подружки, никак чихнуло? — спрашивают девушки.

Овинник рассердился, что глаза ему запорошило, протёр их лапой и говорит:

— Ну-ка, иди сюда, которая нехорошие слова говорила!

Каждая девушка на себя подумала, и ни одна ни с места.

— Ну, что же, — говорит овинник, — или мне самому вылезать?

И стал из норы пятиться...

Тут одна догадливая да бедная, сирота Василиса, взяла ржаной сноп, прикрыла его платком и поставила впереди всех.

¹ Ови́н — постройка, где сушили снопы перед молотьбой.

² Тепли́на — огонь, разведённый в овинной печке для сушки снопов.

³ Подла́з — нижняя часть овина или пристройка к нему с ямой, в которой разводят огонь для сушки снопов.

⁴ Ови́нник — дух, живущий в овине. Имеет вид чёрного кота.

— Вот тебе!..

Выскочнул из норы овинник, пыхнул зелёными глазами и стал сноп рвать, а девушки из овина выбежали и — на деревню, а та, что подогадливей — Василиса, — схоронилась за ворох соломы и говорит оттуда:

— Чёрный кот, старый овинник, что со мной делаешь, — всё тело моё изорвал.

Фыркнул овинник, отскочил и кричит:

— Очень я злой, погоди — отойду, тогда разговаривай.

Подождала Василиса и говорит опять:

— Отошёл?

— Отхожу, сейчас, только усы вылижу... Ну, что тебе надо?

— Залечи мне раны...

Фыркнул кот в землю, лапой пыль подхватил и мазнул по снопу.

А сноп так и остался снопом...

— Так ты меня обманула? — говорит кот, а самому уж смешно.

— Обманула, батюшка, — отвечает ему Василиса, — прости, батюшка, да смилуйся — найди мне жениха, чтобы краше его на свете не было.

— Уж больно я сам-то урод, — говорит овинник. — Ну да ладно. — И ударился о землю и стал из чёрного кота — кот белый и хвостом Василису пощекотал...

— Чем тебе не жених?

— Нет, — говорит Василиса, — за кота замуж не пойду; дай мне жениха настоящего.

Подумал овинник, походил по овину, — мыша походя сожрал. Вдруг подскочил к ржаному снопу, заурчал, облизал его, чихнул три раза и сделался из снопа — человек.

— Получай жениха, — говорит Василисе овинник. — Смотри — от сырости береги, а то прорастёт.

Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером. Глядит на Василису и смеётся. Василиса поклонилась ему в пояс — и они пошли в избу.

Прошло с той поры много дней. Лёг снег на мёрзлую землю, завывали студёные ветра, поднялись вьюги.

Соломенный жених живёт у Василисы, похаживает по горнице, поглядывает в окошечко и всё приговаривает:

— Скучно мне, темно, холодно...

И стала Василиса замечать, что жених её портится, позеленело у него на кафтане и на сапожках золото, ночью стал кашлять, стонать во сне. Раз утром слез с кровати, подпоясался и говорит:

— Уйду, Василиса, искать тёплого места.

— А я-то как же?..

— Ты меня жди.

И ушёл, только снег скрипнул за воротами.

Жених идёт, весь от инея белый. Кругом него мороз молоточками постукивает — крепко ли закована земля, не взломан ли синий лёд на реке; по деревьям попрыгивает, морозит зайцам уши.

Хочет жених от мороза уйти, а молоточки всё чаще, всё больше постукивают — по жилам, по костям. Остудился жених, а степь бела кругом, ровна.

И повисло над степью, над самым краем солнце, красное и студёное. Жених к солнцу бежит, колпаком машет:

— погоди, погоди, возьми меня в зелёные луга.

И добежал было. Вдруг выскочил из-под снега большой, косматый, крепколобый волк, доскакал большим махом до солнца, обхватил его лапами, прижался пузом — с одной стороны, с другой приловчился и вонзил клыки в алое солнце.

Завизжали, застучали ледяные молотки, потемнела степь, завыл мёртвый лес. Соломенный жених бежать пустился, упал в снег и не помнит, что дальше было.

Василиса, когда одна осталась, пораскинула бабьим умом и пошла к старому овиннику. А чтобы он не очень сердился, сунула под нос ему пирог с творогом и говорит:

— Жених от меня убежал, должно быть, замёрз, очень жалею его.

— Ничего, — отвечает ей овинник, — жених твой в озимое пошёл.

— А я-то как же?

— Найдёшь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет — сама увидишь.

Пошла Василиса в поле, долго шла, не день и не два. Видит — большой сугроб. Разрыла его руками, видит — лежит под снегом жених.

Упала на него Василиса, омочила лицо его слезами; жених не шевелится.

Тогда легла она с ним рядом и стала глядеть в зимнее белое небо.

Снег Василису порошит, молоточки в сердце бьют, обручи набивают на тело, и говорит Василиса:

— Желанный мой.

И чудится ей — голубеет, синее небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рождённое солнце.

Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая чёрную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришёл важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал.

Проходили мимо добрые люди, сели на меже¹ отдохнуть и сказали:

— Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы...

Душисто...

¹ Межа́ — невспаханная полоса земли между пашнями.

Странник и змей

Багряное солнце садилось над мёрзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник. Полушубок на нём древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами.

Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него — под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые.

Подходит он к Акулиному двору, шапку снял и говорит ласково:

— Скучно тебе, милая?

Увидала странника Акулина, кинулась за ворота.

— Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошёл странник, сел на лавку. Угощает его вдова, а сама пытает — откуда да куда, не слыхал ли про счастье: лежит, говорят, оно в океане, под горячим камнем.

Странник наелся, напился, ложку положил и спрашивает:

— Ну, а ты, милая, всё маешься?

Забилась Акулина на лавке.

— Такая маета — сказать не можно: сушит змей белое моё тело, сосёт сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе — не зверь, не человек...

Улыбается странник, светятся глаза его.

— Силён враг, Акулина, трудно тебе, трудно. А ведь свистнет — опять побежишь?

Заголосила Акулина:

— Страшно мне, ночь придёт, сама ко врагу потянусь, а днём руки бы на себя наложила.

Погладил её по голове странник, и затихла молодая баба.

— Тётя Акулина, — позвал в окно девичий голосок, — на посиделки тебя кличут, пойдёшь?

А потом поглубже заглянул любопытный глаз.

— Ты и странника приводи, сказку скажет!

Рассмеялась и убежала, а странник говорит:

— Что же, Акулина, пойдём, куда зовут.

Акулина ушла за перегородку прибираться, а странник у окна запел:

*Ходила во синем море,
Ходила белая рыба,
Ходила, била плёсом
По тому ли синю морю:
Ты раздайся, синее море,
На две волны, на два берега.
Ты выплесни, выкини
Алатырь¹, горюч камень.*

Слушает, вздыхает Акулина за перегородкой; прибралась, вышла, — красивая, глаза мрачные.

— Ну, пойдём, странник.

Пришли на посиделки.

А там народу набилось, как грибов в лукошко; тренькают на балалайке, подплясывают, подпевают, шутки шутят, и в сенях, и на лавках, и на печи — понабились.

Странника обступили, просят.

¹ Алатырь — в русских легендах камень с магическими и целебными свойствами, лежащий в море.

— Спой нам, скажи сказку.

Странник сел у двери и запел опять про то же:

*Ходила во синем море,
Ходила белая рыба.*

Пригорюнились девицы, подсели к парням. Кто с печи голову свесил, кто с полатей¹. Расселись парами — стало тихо. Одна Акулина без друга, как куст обкошенный. Сдвинула брови, белая кипень², стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит.

— Акулина, Акулина, обойдись, — говорит странник.

А у неё глаза уж как озеро. Дрожит дрожью.

В это время просвистел за окном змеиный свист.

Дрогнула Акулина и — к двери.

— Не ходи, Акулина!

— Пусти!

Выскочила на улицу; странник за ней и схоронился в сенях. Акулина стала посреди двора и шепчет:

— Лети... лети.

И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором чёрный змей, раскинул крылья, опустился на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком облизнул ей белое лицо.

А странник подкрался, оттолкнул Акулину да змея по голове лестовкой³ и ударил.

¹ Полáти — широкие нары, место для сна в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной.

² Кíпень — пена. В данном случае: от волнения бледная, как пена.

³ Лéстовка — кожаные чётки.

Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник петухом обернулся — зёрна клевать.

Не дала ему, упала на петуха Акулина, ухватила за крылья и в избу поволокла.

— Оборотень, — закричала Акулина, — рубите ему голову!

Петух вырвался — да под лавку, крыльями бьёт, в руки не даётся.

Заметался народ по избе, петуха ловят. Поймали, у Акулины и топор в руках.

— Клади его на порог!

Вытянули за голову, за ноги петуха. Размахнулась Акулина топором... Да так и застыла у неё рука.

Пропали стены. Вместо девушек — берёзы в инее, парни — ели, а Акулина — ива плакучая, вся в сосульках.

На пне сидит странник. Улыбается, сияют серые глаза. Возле на снегу лежит петушиное перо.

Поднял странник перо, пустил по ветру, сказал:

— Лети, пёрышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много ещё мне исходить осталось, увёртлив змей, не пришло его время.

Проклятая десятина

КЛОНИТ ветер шёлковые зелены¹, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идёт крепкий, ржаной дух. Одна только невсхожая полоса с бугра в ложину лежит чёрной заплатой — десятина² бобыля³...

У десятины стоит бобыль; ветер треплет непокрытую его голову.

— Эх, — говорит бобыль, — третий год меня мучаешь, проклятая!

Плюнул на родную землю и пошёл прочь.

Проходит неделя. В четверг после дождя встречает бобыля шабёр⁴ и говорит ему:

— Ну, брат, и зелены же у тебя, — всё диву даёмся, ужо заколосят...

— Врёшь! — сказал бобыль... И побежал на свою десятину.

Видит — выпустили зелены трубку⁵, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос.

¹ Зелень — молодые всходы хлебов.

² Десятна — старинная русская мера земельной площади, равная 2400 квадратным сажням или 1,09 гектара. Применялась до введения метрической системы.

³ Бобыль — одинокий, беспосемейный человек.

⁴ Шабёр — сосед.

⁵ Выход в трубку — появление стебля.

На чудо не надивуется бобыль, а кошки сердце поскрёбывают:
зачем проклинал родную землю.

Собрал бобыль урожай сам-тридцать¹; из пудовых снопов на-
колотил зерна, и муку смолот, и замесил из первого хлеба кваш-
ню, и лёг подремать на лавке...

Ночь осенняя бушевала ледяным дождём, хлопали наотмашь
ворота, выл в трубе ветер.

В полночь поднял бобыль голову и видит — валит из кваш-
ни дым. Надувшись, слетела крышка, и поползло через края
проклятое тесто, рассыпалось на полу землёй...

Смекнул бобыль, что с мукой-то не ладно, повёз мешки в го-
род к старому пекарю...

Пекарю муку эту продал, деньги зашил в шапку; потом шапку
распорол и деньги все пропил, и, когда домой собрался, не было
у него ни денег и ни подводы — один нос разбитый.

Пекарь в то же время замесил из бобылёвой муки кренделя,
поставил в печь и, когда пришло время, — вытащил на лопате не
подрумяненные кренделя, а такие завитуши и шевырюшки², что
тут же обеспамятел и послал жену к дворянину продать муку за
сколько даст.

Дворянин сидел в саду, одной рукой держал наливное яблочко,
другой писал записки.

— Что тебе, милая? — сказал дворянин тонким голосом и при-
щурился.

— Насчёт пшеничной муки, — сказала пекарева жена, —
старик-то мой больно плох...

Купил дворянин в долг проклятую муку и пригласил детей
дворянских пирожки с вареньем кушать.

¹ Сам- (*устар.*) — больше во столько раз, сколько указано количе-
ственным словом.

² Шевырюшка — спутанный клок шерсти или волос. Здесь: завитки
и загогулины.

Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили, а в пирожке лапти — крошеные, старые онучи¹, щепки, — всякая дрянь.

Побросали дворянские дети пирожки и подали на дворянина в суд.

Прослышал про всё это дело король и сказал:

— Я их всех сам буду судить.

И встали перед светлые его очи: дворянин, пекарь и бобыль... Бобыль как встал, так и глаза разинул и босой ногой почесал ногу.

Король велел объявить всё, как было. Выслушал. Державой² и скипетром потряс и говорит:

— Проклял ты, бобыль, родную землю, и за то тебе будет наказание великое.

И приказал мужика отвести вместе с мукой на проклятую десятину, чтобы всю муку приел... Так и сделали... Посадили бобыля среди его земли и ковшом в рот стали муку сыпать. Три раза попросил бобыль водицы, целую меру приел.

Приел, и распучило. Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы³, а волосы стали дыбом, как репей.

Кругом бобыля порос густой и непролазный бурьян по всей десятине.

И долго спустя слышали в колючих порослях — жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль.

¹ Онучи — длинная плотная ткань, которую оборачивали вокруг ног до колена перед тем, как обуть лапти.

² Держава — символ государственной власти в виде золотого шара с короной или крестом.

³ Шипы — здесь: непромолотая шелуха, остатки мякины в муке.

Звериный царь

Соседа за печкой жил мужичок с локоток.

Помогал соседу кое-чем, понемножку. Плохое житьё на чужих хлебах.

Взяла мужика тоска, пошёл в клеть¹; сидит, плачет. Вдруг видит — из норы в углу высунулась мордочка и повела поросёчком носом.

«Анчутка беспятый²», — подумал мужичок и обмер.

Вылез анчутка, ухо наставил и говорит:

— Здравствуй, кум!

«Какой я ему кум», — подумал мужичок и на случай поклонился.

— Окажи, кум, услугу, — говорит анчутка, — достань золы из-под печки; мне через порог перейти нельзя, а золы надо — тёщу лечить, — плоха, объелась мышами.

Мужичок сбегал, принёс золы, анчутка его благодарит:

— За службу всыплю я тебе казны, сколько в шапку влезет.

— На что мне казна, — отвечает мужичок, — вот бы силой поправиться!

— Это дело пустое, попроси звериного царя...

И научил анчутка, как к звериному царю попасть и что говорить нужно.

¹ Клеть — нежилая постройка или пристройка к дому для хранения имущества.

² Анчутка беспятый — одно из древних названий беса, чертёнок.

Мужичок подумал — всё равно так-то пропадать, и полез в крысиную нору, как его учили.

Там темно, сыро, мышами пахнет. Полз, полз — конца не видно, и вдруг полетел вниз, в тартарары. Встал, почесался и видит: вода бежит, и привязана у берега лодочка — с малое корытце.

Сел мужичок в лодочку, отпихнулся, и завертелся, помчался — держи шапку.

Над головой совы и мыши летают, из воды высовываются такие хари — во сне не увидишь.

Наконец загорелся свет, мужичок пригрёб к берегу, выпрыгнул на траву и пошёл на ясное место. Видит — высоченное дерево шумит, и под ним, на семи шкурах, сидит звериный царь.

Вместо рук у царя — лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде — тысяча глаз.

А кругом — звери, птицы и всё, что есть на земле живого, — сидят и на царя посматривают. Увидал мужичка звериный царь и закричал:

— Ты кто такой? Тебе чего надо?

Подошёл мужичок, кланяется:

— Силёшки бы мне, батюшка, звериный царь...

— Силу или половину?

— Осьмухи хватит.

— Полезай ко мне в брюхо!

И разинул царь рот, без малого — с лукошко.

Влез мужичок в звериный живот, притулился, пуповину нашёл, посасывает.

Три дня сосал.

— Теперь вылезай, — зовёт зверь, — чай, уж насосался.

Вылез мужичок, да уж не с локоток, а косая сажень в плечах, соболю брови, чёрная борода.

— Доволен? — спрашивает царь. — Выйдешь на волю, поклонись чистому полю, солнцу красному, всякому жуку и скотине.

И дунул. И подхватили мужика четыре ветра, вынесли к мосту, что у родного села.

Солнце за горку садится, стадо гонят, идут девки...

Подбоченился мужик и крикнул:

— Эй, Дунька, Акулина, Марья, Василиса, аль не признали?

Девки переглядываются.

А мужик тряхнул кудрями.

— Теперь, — говорит, — пир горой, посылай за свахой. Я теперь самого звериного царя меньшей сын.

Девки так и сели. А мужик выбрал из них самую румяную да на ней и женился.

В КОНЮШНЕ темно и тепло, жуют сено лошади, стукнет по дереву подкова, цепь недоуздка¹ зазвенит или скрипнет перегородка — караковый² почесался.

В узкое окно влезает круглый месяц.

Лошади беспокоятся.

— Опять подглядывает месяц-то, — ржёт негромко вороной, — хоть бы козёл пришёл, — всё не так страшно.

— Козла «хозяин» боится³, — сказал караковый, — а месяц сам по себе, его не напугаешь.

— Куда это козёл ушёл? — спросила рыжая кобыла.

— На плотину, в воду глядеть.

Кобыла храпнула:

— К чему в воду глядеть? Одни страсти⁴.

— Страшно мне, — зашептал вороной, — месяц в окно лезет. Схватить его разве зубами?

¹ Недоу́здок — уздечка без удил для удержания лошади на привязи.

² Кара́ковый — конь караковой масти: тёмной, с желтоватыми подпалинами (каракулами).

³ Речь идёт о дворовом. Дворово́й — дух, хозяин во дворе и в дворовых пристройках. Является покровителем домашнего скота, но может мучать лошадь, которую невзлюбил. Боится и слушается только козла.

⁴ Согласно старинным народным поверьям, глядя в воду, можно предсказать судьбу, предвидеть опасность.

— Не трогай, — ответил караковый, — захромаешь.
Кобыла жалобно заржала.
В конюшне — опять тихо. На сеновале возятся мыши.
Захрапел вдруг, шарахнулся вороной, копытами затопал.
— Смотрите, смотрите, месяц-то, — зашептал он, — и рога
у него, и глаза.
Дрогнул караковый.
— А борода есть?
— И борода веником.
Караковый захрапел:
— «Хозяин» это, берегись.
Вдруг клубком из окошка скатился в стойло вороному старичок и засмеялся, заскрипел.
Вороной стал как вкопанный, мелкой дрожью дрожит.
Рыжая кобыла легла со страха, вытянула шею.
Караковый забился в угол.
— Вороненький, соколик, — заскрипел «хозяин», — гривку тебе заплету... Боишься меня? А зачем козла звал?.. Не зови козла, не пугай меня... — И, с вывертом, с выщипом, ухватил вороного.
Вороной застонал.
— Стонешь? Не нравится? А мне козлиный дух нравится?.. Идём за мной.
Старичок отворил дверь и вывел за гриву вороного на двор.
— Голову-то не прячь, — скрипнул он и ущипнул за губу.
Вспрыгнул на холку, и помчались в поле.
Караковый подбежал к окну.
— Ну и лупят... пыль столбом... под горку закатились. Смотри-ка. На горку вскакнули, стали; «хозяин» шею ему грызёт; лягается вороной; поскакали к пруду.
В конюшню вошёл козёл и почесался.
— Гуляешь, — крикнул козлу караковый, — а вороного «хозяин» гоняет.

— Где? — спросил козёл басом.

— У пруда.

Опустил козёл рога и помчался...

Перебежал плотину, стал — кудластый, и пошёл от козла смрад — в пруду вода зашевелилась, и отовсюду, из камышей, из-под вётел¹, повывезла вся нечисть болотная, поползла по полю, где вороной под «хозяином» бился.

Заблеял козёл.

И от этого «хозяин» на лошади, как лист, забился, ноги поджал.

Подползает нечисть, блеет козёл.

Побился, покружился «хозяин» и завял, свалился с коня. Ухватили его лапы, потащили в пруд. А вороной, оттопырив хвост, помчался в конюшню. Прибежал в мыле, захрапел, ухватил сено зубами, бросил и заржал на всю конюшню:

— И как только я жив остался!

А спустя время пришёл козёл и лёг в сено.

— Ноги у меня отнялись, — стонала рыжая кобыла.

Караковый положил морду на шею вороному, а козёл чесался — донимали его блохи.

¹ Ветлá — белая ива.

тром рано, на заре, до птиц, пробудилась княгиня Наталья. Не прибираясь, — только накинула белый опашень¹, — отомкнула дверь из светлицы и вышла на мокрое от росы крыльцо.

Ничего не жалел для Натальи, для милой своей хоти², князь Чурил: выстроил терем посреди городища, на бугре между старых клёнов; поставил на витых столбах высокое крыльцо, где сидеть было не скучно, украсил его золотой маковкой, чтобы издали горела она, как звезда, над княгининой светлицей.

В тереме зачала Наталья и родила хозяину сына Заряслава. Было ему ныне три зимы и три лунных месяца. Любил князь жену и сына и шумного слова им не сказал во всю бытность.

Городище стояло на речном берегу, обнесённое тыном³, рвом и раскатами⁴. Внутри, дым к дыму⁵ — срублены высокие избы. И выше всех — восьмишатровый красный княгинин терем. Бывало,

¹ Опáшень — старинная русская одежда. Летний кафтан с короткими широкими рукавами.

² Хоть — любимая, жена.

³ Тын — забор, частокол.

⁴ Раскáт — плоская насыпь или деревянный помост у крепостной стены.

⁵ Дым к дыму — древнее значение слова дым: изба, двор. Когда в избе топилась печь, она наполнялась дымом. В данном случае: изба к избе, двор ко двору.

плывут по реке в дубах торговые люди, или так — молодцы пограбить, завалятся у гребцов колпаки, глядят: город не город — диво, — пестро и красно, и терем, и шатры, и башни отражаются в зелёной воде днепровской, — и начнут пригребаться поближе, покуда не выйдет на раскат князь Чурил, погрозит кулаком. Ему кричат:

— Ты, рвана шкура, слезай с раската, давай биться!

И пошлют смеха ради стрелу или две.

Далеко шла слава про князя: сорок воинов стоит у его стремени; одни сивые, в рубцах, вислоусые руссы, северные наёмники, побывавшие не раз и под Цареградом; другие — свои, поднепровские, молодец к молодцу, охотники и зверобои. Богат, хорошо нагрожен город его Крутояр.

Ныне князь отъехал по зверя. В городище бабы остались с ребятами да старики. Шуму нет, тихо. Княгиня Наталья прислонилась непокрытой головой к столбу, сидит и слушает. Внизу журавель заскрипел — сонная девка тянет из колодца воду; собрались воробьи на огороде, зачирикали — собираются по ягоду; идёт поперёк улицы собака с мочалой на шее, стала и давай зевать; птицы и птички пробуждаются, не смеют ещё петь до солнца, голоса пробуют, голос подают; заиграл рожок у северных ворот, замычали коровы, потянуло дымком. И заря за речкой обозначилась сквозь речные туманы бледными, алыми, водянистыми полосами. Сильная сегодня роса! А уж кукушка из лесу ку-ку.

Княгине охоты нет пошевелинуться, точно сон оковал её. Поднялась рано, сама не знает зачем, и всё ей грустно — и глядеть и слушать. Так бы вот и заплакала. А с чего? Князя ли заждалась? Третий день по лесам скачет. Сына ли жалко — уж очень беленький мальчик. Мило ей всё и жалко.

Княгиня в углу крыльца нагнула каменный рукомойник, омыла лицо, взглянула ещё раз на кровли и башенки Крутояра, на реку, проступающую синей, синей водой из-под тумана, и вошла назад в сонную, тёплую светёлку.

В колыбели спал княжич, выпростал руки поверх одеяла, дышал ровно, хорошо, так весь и заливался румянцем.

Княгиня присела на лавку, опустила голову на колыбель, и слёзы полились у неё. Плачет, и сама шепчет:

— Вот уж с большого-то ума.

И такую жалостью залюбила сына, что душа её поднялась, окутала колыбель, прильнула к спящему, а тело оцепенело. На молодую княгиню напал глубокий, непробудный сон.

И не услышала она, как вдруг начали кричать птицы, садясь на крышу: «Проснись, проснись», как завывали, заскулили собаки по всему городищу, захлопали ставни, побежал куда-то народ, как у всех четырёх ворот забили в медные доски, и пошла тревога: «На стены, на стены!»

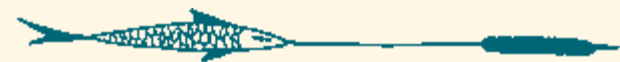
Большое тусклое, красное солнце поднялось в клубах тумана, и народ со стен, дети, старики — увидели великую силу людей, малых ростом, с рыжими космами, в шкурах: Чудь белоглазую¹. Пробиралась Чудь от дерева к дереву, окружала городище, махала дубинками и с того берега плыла через реку, как собаки.

— На стены, на стены! — звали старики, тащили на раскаты брёвна, камни, в колодах горячую воду.

— Чудь идёт, Чудь идёт! — выли бабы, мечась, хороня ребят в клетки, в погреба, зарывали в солому.

А Чудь уже лезла через тын, карабкалась на раскаты, визжала. В замковую башню-детинец² кидала стрелы, камни, паклю горящую. И задымился угол у башни, и закричали:

— Огонь! Лихо нам!

¹ Чудь белоглазая — согласно русским преданиям, северный народ, враждовавший со славянами.

² Башня-детинец — внутреннее укрепление в русском средневековом городе вокруг резиденции князя или епископа.

Били с раскатов Чудь, долбили по башкам, порошили песком в глаза, обливали варом, пыряли шестами. А те только орали шибче. Лезли, падали, опять лезли, как черви. Да и где было справиться с белоглазыми одним старикам да малолеткам. Одолеп враг, добрался до раскатов. Покидали защитников, и разбежалась Чудь по городу, и начался другой клич — бабий и детский.

Потоптали в ту пору, побили много народа, остальных погна-ли за стены на луг. Рвали на бабах рубахи. Было горе.

С четырёх концов пылал Крутояр, брошенный на поток¹. Из огня тащили одежду, птиц, поросят, малых детей. Ярилась² Чудь. Многие сами погорели, волоса попалили. И добрались до княжьего терема.

Но высок был тын кругом и ворота крепки. Ударили в них бревном — не поддались. А головни, искры, солому так и крутило, обдавало жарким дымом. И занялся терем, задымил.

Тогда с долгим стоном пробудилась княгиня Наталья, повела очами, дико ей стало, кинулась к окну — дым в лицо пахнул, глаза выел. Схватила княжича, прикрыла его платком: «Заряслав, сын милый, спи, спи, батюшка», и выбежала на крыльцо и обмерла.

Внизу трещало, било пламя, дымили крыльца, занимался огонь под крышей. А кругом все маковки, крыши, избы, шатры — в огне. Дым бьёт высоко и стелется над Днепром. И ещё видит княгиня — над тыном поднялись плоские рыла, кажут на неё, скалятся.

И было ей тошно от смертного часа.

Заряслав забился на руках, заплакал, рвёт с лица покрывало. В спину дунуло жаром. И у княгини захватило дух, стало горячо на душе. Подняла она сына, положила руки его на одно плечо своё, на другое ноги, вдохнула в последний раз запах милый

¹ Бросить на поток — отдать на разграбление, разорение.

² Яриться — быть в ярости, гнев.

и человеческий и кинулась с высокого терема. И убилась! И мёртвыми руками всё ещё держала Заряслава, не дала ему коснуться земли. Наскочили чудинцы, вырвали княжича, понесли на луг, плялили зенки на мальчика, кукиши совали ему, а не тронули, чтобы живым отнести к жрецу своему в Чудь, на озеро.

Лёгкою бабочкою вылетела душа княгини Натальи из разбитого тела. И раскрытые её глаза, ещё подёрнутые мукой, озираясь, видели голубой свет, переливающийся, живой и животворящий. Радостней, радостней, выше становилось душе. Чаще, зорче глядели глаза. И вот слышимы стали звуки, звоны, шумы, звенения, глухие раскаты, грохоты. Трепетал весь свет в бездне бездн. Роились в нём водянистые пузыри, отсвечивали радужно и, звуча и звеня, сливались в вихри, бродили столпами.

И вот уже трепещет душа. Нестерпимо глазам от сияния, от радостного ужаса: покрывая все звуки, весь свет, по всей широте шумит весенним громом голос: «Да будет жизнь во имя Моё».

Так мчится к Господу светлая душа княгини Натальи. Но чем ближе ей, слаще, радостней — тем пронзительней боль, как жало невынутое. Зачем боль? О чём память? И глубже входит жало, и тяжелеет душа, глохнет, слепнет, и глаза снова подёргиваются смертной любовной пеленой. На землю опускается душа княгини, на пепелище. Как жернов — любовь. Где Заряслав? Где сын милый?

Белоглазая Чудь возвращалась на своё озеро без троп и следов, скорее бы только ноги унести. Волокли добычу. Гнали полонянок с детьми. Княжича тащили в плетёном пещуре¹. Шли день, и ночь, и ещё день, и настала вторая ночь — тёмная. Погони теперь не страшно, и Чудь полегла во мху, запалила костры от диких собак, что, учуяв поживу, подвывали по зарослям.

¹ Пещур — котомка, корзина, короб.

Колдун, старикашка гнусный, залез в горелый пенёк, бормотал заклятья. Кишмя здесь кишела нежить и нечисть, хоронилась за стволы, кидалась в траву, попискивала, поёрзывала. То чиркнет глазом, то лапой тронет, а то уйдёт колом в землю, а вынырнет в омуте, посреди болота, состроит пакость и начнёт хмыкать, хихикать.

Не любила Чудь смеха и шуток таких. Молчали, мясо вяленое ели, остерегались. Полонянки давно уж плакать перестали, вволю приняли горя. Один Заряслав спал спокойно в пещуре: тепло укрыла его княгиня Наталья сладким сном.

Укрыла, и сама понеслась клочком тумана по лесу над мхами и омутами, сквозь тяжёлые от влаги деревья. Вверху за сучьями вызвездило, скоро и заря. Из-под вывороченной коряги высунул нечёсаную морду леший и спрятался; на бугорке у норы лиса с лисятами увидела летящее облако, сморщила нос и зевнула, завила хвостом.

А вот и стреноженные кони фыркают, щиплют траву. Вповалку, завёрнутые с головой в попоны, спят воины. Князь Чурил лежит, опершись локтем о седло; суровые глаза его открыты, думает; проснулся перед зарёй, отёр усы от росы и задумался о славе своей, о былых сечах, о том, что нет ни у кого ни города такого, ни жены такой, ни сына. От этих дум заворочался Чурил: «Всё ли ладно дома?»

И видит — стелется у ног облачко. «Сыро, — думает, — кольчуга проржавеет», — и потянул на себя попоны. А сон летит с глаз: «От двора далеко отъехали, как бы не было чего злого?» Мочи нет. Поднялся Чурил, подтянул ремень на животе:

— Эй, ребята, заспались, заря скоро!

Зачесались воины, поскидали попоны, разбрелись за конями. Оседлали. Тронулись.

Чурил едет впереди, шагом. Совестью перед ребятами: заладили охотиться недели на две, а сейчас глаза бы не глядели на

зверя. Сесть бы в княгининой светёлке, Заряслава на руки взять... Милее жизни жена, милая Наталья.

Воины ворчат: едет князь дуром, сучья дерут лицо, лунь-птица из-под коня шарахнулась, запуталась в кустах, застучала клювом.

«Эй, князь, спишь, что ли?»

Плывёт, стелется облаком перед Чурилой княгиня Наталья, манит, мается. Рвут кусты лёгкое тело. Нет, не слышит князь, не чувствует. Усы закрутил. Осадил коня, опёрся рукой о круп, говорит дружинникам, чтобы шли в заезд на тура, что давеча навалил густо валежнику у озера.

И княгиня отлетела от Чурила, понеслась по лесу, окинула взором чащобы, видит — лежит олень рогатый, морду опустил в мох, дремлет. И вошла в него, в сонного, похитила его тело, подняла на лёгкие ноги и оленем помчалась навстречу охотникам.

— Стой, — говорит Чурил, — большой зверь идёт. — Подался с конём в кусты, отыскал в колчане стрелу поострее, вложил в самострел и, упершись в стремяна, натянул тетиву.

С шумом раздвигая кусты, выскочил олень. Стал, дрожа дрожью. Крупный самец! Рога как ветви. Эх, жаль, темно, — не промахнуться бы. И князь чувствует — глядит на него олень в ужасе, в тоске смертной.

И только начал поднимать самострел — шарахнулся олень, побежал нешибким бегом, не мечась, только голову иногда обернёт к погоне. Умный зверь.

И сорок рогов затрубило по лесу. Го-го-го! — отозвалось далеко. Затрещал от топота валежник. Закричали сонные птицы. Воронье поднялось, закаркало. Стало светать.

Скакали долго. Кони вспенились. Княгиня Наталья видит — близко, близко, вон там за оврагом, залегла Чудь, может, уж и снялась со стана, слышав рога. Не погубили бы Заряслава. Поспеть бы. И повернула к оврагу. И заметалась: впереди, пересекая путь, выскочили всадники, окружили, машут копьями.

Чурил поднял самострел, приложил к ложу худое, свирепое, любимое лицо.

«Остановись, остановись!» — так бы и крикнула Наталья. И резкий, звериный вопль сам вылетел из груди. Запела стрела и впилась под лопатку у сердца. Олень осел на колени. Засмеялся князь. Вынул нож, лезет с седла, чтобы пороть зверя. Идёт по мху. Споткнулся. Княгиня глядит на мужа глазами, полными слёз. Чурил взял её за рога, пригнул голову.

И чуда не было ещё такого за всю бытность: олень, пронзённый стрелой, до самых перьев ушедшей в сердце, поднялся, разбросал рогами охотников, побежал, шатаясь, шибче, шибче, спустился в овраг, скачками поднялся на ту сторону, стал и глядит опять. Смотрит.

Усмехнулись в усы старые воины.

— Легка твоя стрела, князь, уйдёт зверь.

Лихая досада! И опять поскакала охота.

Олень тяжёлым уже скоком выбежал на поляну. Повсюду дымятся костры, раскиданы кости, тряпьё. И за красные сосновые стволы хоронятся какие-то людишки, удирают.

— Чудь, Чудь! — закричали воины.

Здесь олень зашатался, опустил рога в мох и рухнул. Чёрная кровь хлынула из морды. И вылетела душа княгини, замученная второю смертью.

Чурил глядит на зверя. Дико ему на душе. Подскакал старый воин.

— Князь, князь, — говорит, — не твоей ли княгини эта кика¹? — И поднял копьём с земли рогатую, шитую золотом кикку, что сняли чудинцы с волос Натальи.

¹ Кика — старинный русский головной убор замужних женщин. Украшался бисером, жемчугом, драгоценными камнями. Имел переднюю часть в форме рогов.

Зашатался князь в седле. Кровь кинулась в голову, помутила ум. Сорвал рог с плеча, затрубил, швырнул его далече и сам впереди, а за ним сорок дружинников кинулись в угон за обидчиками. Порубили отсталых и настигли всю бегущую кучей Чудь, окружившую полонянок и добычу.

Много Чуди желтоволосой. Большая будет битва. Стали воины ругаться с врагами, кричат:

— Выходи, белые глаза! Подтягивай портки!.. Молись своему¹ паршивому богу!..

Ихний колдун, став на камень, поднял на руках Заряслава, погрозился, что живым не отдаст, если князь начнет драку. Тогда Чурил прыгнул с коня и, прикрываясь локтем кольчужным от стрел, пошёл биться. Наскочила на него Чудь. Завизжала Чудь. На выручку кинулись дружинники, пешие и конные. Запели стрелы. Начались крики. Лязгало железо. Хватались грудь о грудь. Была великая сеча.

С ножом, поворачиваясь, стряхивая наседающих, весь испоротый, исколотый, лез князь, как тур, добирался до колдуна.

Три раза отбрасывали Чурилу. Колдун, выставив бороду, бормотал, плевался, запакостился от страха. Всё же князь достал его рукой и умертвил на месте. И стоял идолом каменным над сыном. Выдёргивал из себя стрелы. Убивал каждого, кто совался.

До полудня шла битва. Десять дружинников легло в ней смертью, а врагов не считали, и Чудь побежала, но немногие ушли через болота.

Дружинники стали кликать, собирать полонянок. Стали узнавать, кто жену, кто сына. Качали головами, хмурились. И вернулись все — воины, женщины, дети — гурьбой, на поле сечи, где бродили кони, торчали стрелы, шлемы валялись, люди убитые.

¹ Своему — своему.

Князь Чурил лежал мёртвым, с лицом суровым и спокойным, в руке зажат меч. Около него был мальчик, Заряслав. Над ним летала малая птица. Кружилась, попискивала, садилась на ветвь, трясла перьями, разевала клюв.

Княжич, глядя на птицу, улыбался, ручкой норовил её схватить. На ресницах Заряслава, на щеках его горели, как роса, слёзы большими каплями.

Старейший из воинов взял княжича на руки и понёс. Павших положили на коней, тронулись в обратный путь к Днепру, на пепелище. Впереди несли Заряслава, и птица, синяя синица, увязалась вслед. Её не отпугивали — пусть тешится молодой князь. Шли долго.

У пепелища погребли усопших и замученных. Над водою, на высоком бугре, в дубовой, крытой шатром, домовине легли рядом князь Чурил с княгиней Натальей. Далек под ногами их расстился ясный, синий Днепр, широко раскинулись луга, лесистое, озёрное понизовье.

Близ могил стали строить новое городище, где быть князем Заряславу. Зазывали на подмогу вольных людей да пропивших животинки варягов. Осенью бегали за золотом к хазарам¹ в степи.

Заряславу разбили лучший шатёр, покуда к заморозкам дыму не срубят². Мальчик глядел, как строили город, как пищу варили, как вечером большие люди садились над рекою, пели песни.

Женщины жалели мальчика, дружинники говорили: славный будет воин. Да что в том? Чужой лаской горечи не избудешь.

И одною утешою была Заряславу синяя синица. Совсем ручная. Ест ли мальчик, она — скок и клюнет из чашки. Играет ли, бродит ли по лугу — птица порхает около, на плечо сядет или

¹ Хазáры — средневековый тюркский кочевой народ, живший в Восточном Предкавказье.

² Покуда дыму не срубят — то есть пока не построят (срубят) избу.

падёт перед Заряславом в траву, распушит крылья и глядит, глядит чёрными глазами в глаза. А то и надоест, — отмахнётся от неё: ну что пристала?

И не знает Заряслав, что в малой, робкой птице, в горячем сердце птичьем — душа княгини Натальи, родной матушки.

Прошла зима, снова зазеленели бугры и пущи, разлился Днепр, поплыли по нему, надувая паруса, корабли с заморскими гостями. Затрубили рога в лесах. Зашумели грозы.

Заряслав рос, крепкий становился мальчик. Играл уже отцовским мечом и приставал к дружинникам, чтобы рассказали про битву, про охоты, про славу князя.

А когда женщины гладили его по светлой голове, жалея, что растёт без матушки, — отталкивал руку.

— Уйди, — говорил, — уйди, а то побью, я сам мужик.

Однажды он побился с товарищами и сидел на крыльце сердитый, измазанный. Подлетела синица, покружилась и, чтобы заметить её мальчик, вдруг прилегла к его груди, прижалась к тельцу.

— Ну, вот нашла время!

Взял Заряслав птицу и держал в кулаке и думал, как бы ему подраться ещё с обидчиками, а когда разжал пальцы — в руке лежала птичка мёртвая, задушенная.

Богатырская будет сила у молодого князя.

Так и в третий раз умерла княгиня Наталья светлой и лёгкой смертью.

Всё было исполнено на земле.

Содержание

РУСАЛКА	5
ИВАН ДА МАРЬЯ	11
ВЕДЬМАК	17
ВОДЯНОЙ	19
КИКИМОРА	23
ДИКИЙ КУР	27
ПОЛЕВИК	31
ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ-АЛИЦА	35
СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ	37
СТРАННИК И ЗМЕЙ	43
ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТИНА	47
ЗВЕРИНЫЙ ЦАРЬ	51
ХОЗЯИН	55
СИНИЦА	59

УДК 821.161.1-34-93(081)
ББК 84(2=411.2)6-45я44
Т53

Иллюстрации Яны Седовой

Толстой, Алексей Николаевич
Т53 Русалочки сказки : [сб. сказок] / А. Н. Толстой ; ил. Я. М. Седовой. — М. : Нигма, 2017. — 72 с. : ил.

Сказочные новеллы Алексея Николаевича Толстого, созданные им на основе славянской мифологии, создают удивительную и непередаваемую атмосферу и вместе с богатым и образным языком напоминают нам о старинных традициях и поверьях.

Читатели погрузятся в таинственный и волшебный мир, где русалка околдовывает одним взглядом, Иван-царевич спасает весеннюю царевну Алюю-Алицу из плена бога подземного огня, а водяной обманом заманивает Марью в своё подводное царство.

Загадочные и завораживающие, как и сами сказки, иллюстрации Яны Седовой прекрасно дополняют мифологические сюжеты и дарят удовольствие и детям и взрослым.

ISBN 978-5-4335-0550-6

© А. Н. Толстой, наследники, 2017
© Я. М. Седова, иллюстрации, 2017
© ООО ТД «НИГМА», 2017

Литературно-художественное издание

Русалочки сказки

Сборник сказок

Для среднего школьного возраста

Иллюстрации *Яны Седовой*

Ответственный редактор *Е. Карпова*

Редактор *А. Тимакова*

Художественный редактор *Н. Акимова*

Корректоры: *А. Баскаева, Л. Волкова, Е. Ермилова*

Вёрстка: *К. Семёнов*

Подписано в печать 27.10.2016

Формат 60x90/8. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 9. Тираж 3000 экз.

Заказ № 112808

ООО ТД «НИГМА»

125239, г. Москва, Старокоптевский пер., д. 9А, стр. 2

Телефон (495) 921-39-07

www.nigmabook.ru

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

